

О. А. Мельникова

Концепт "kǒngjù" («страх») в китайской лингвокультуре

Статья посвящена анализу значения китайского эмотива "kǒngjù" («страх»). На материале китайских словарей раскрываются особенности употребления данной лексики, а также их вероятные причины возникновения в виде философско-религиозных факторов. При последующем сравнении со словарями русского языка автор приходит к заключению, что эмоции (в частности, страх) обладают как универсальными чертами, так и особыми компонентами, присущими конкретной лингвокультуре. Как в русском, так и в китайском языке страх, прежде всего, понимается как «негативная эмоция», однако, поскольку идеальным состоянием, согласно воззрениям китайцев, и конфуцианству в частности, является спокойствие и равновесие, эмотив "kǒngjù" тесно связан с понятием стыда и сохранения лица, чего не наблюдается в русском языке, где понятие страха первично ассоциируется, скорее всего, с огромным существом. Данная лексема является более частотной в употреблении, чем ее вариант в китайском языке. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения концептов и вербальных средств их репрезентации для последующего успеха межкультурной коммуникации и вклада в развитие лингвокультурологии, этнолингвистики, психоллингвистики и ряда других наук.

Ключевые слова: концепт, эмоция, лингвокультура, страх, значение.

О. А. Melnikova

The kǒngjù Concept in Chinese Lingvoculture

The article concerns the Chinese emotive concept "kǒngjù" meaning analysis. The Chinese dictionaries expose its use peculiarities and such possible origin due to the philosophical and religious factors. Further comparison with the Russian dictionaries material results in the hypothesis, that an emotion (fear in particular) includes the basic features, common for all lingvocultures, and the specific ones, characteristic of one or another lingvoculture. Thus, in the sphere of fear concept meaning the Russian and Chinese languages share the core component of "negative emotion"; in the latter language, however, some specific relations to the notions of shame and the so called "face saving" could be found due to the philosophical views of the Chinese and Confucianism in particular. Fear in Russian would probably be associated with an enormous beast and is more frequently used, than its Chinese variant.

The importance of such research is caused by the great need in understanding of concepts and their means of verbal representation; it also favors the development of the vast number of interdisciplinary studies.

Keywords: concept, emotion, lingvoculture, fear, meaning.

В последние десятилетия активно начало разрабатываться направление исследований о связи языка и тех эмоций, которые испытывает человек, ведь язык как средство коммуникации содержит также и эмоциональный компонент. Данная проблема рассматривалась и рассматривается многими учеными, такими как А. Вежбицка, Ю. Д. Апресян, В. И. Карасик, И. А. Стернин, Н. А. Красавский и др.

Эмоции присущи каждому, но при всей универсальности выражение одной и той же эмоции в разных культурах происходит по-разному. Это объясняется этнокультурными различиями, поскольку сами эмоции, их номинация, дескрипция и выражение, как вербальное, так и невербальное, являются частью этноса и, следовательно, имеют характерные черты, которые, безусловно, претерпевают влияние религиозно-философской традиции той или иной лингвокультуры [8, с. 287]. Проблема универсальности и осмысления

эмоциональных концептов и их выражения по-прежнему остается актуальной, а результаты данного исследования могут использоваться для успешного осуществления межкультурной коммуникации, корректного адекватного перевода.

В данной статье ставится задача раскрыть значение и употребление китайского эмотива-номинатива "kǒngjù" («страх»). Однако прежде чем обратиться к значению данной лексики, целесообразно привести небольшую историко-философскую справку о роли эмоций в жизни китайского народа.

Учение Кун-цзи (Конфуций), популярное в КНР и по сей день, установило этический идеал не только человека, но и семьи и государства. Достижение идеала осуществляется благодаря системе самосовершенствования, следование которой обычного человека (rén) превращает в jūnzǐ – благородного мужа, этического героя. Основу этой системы составляет следование сре-

динному пути, который предполагает выбор золотой середины и отказ от крайностей [6, с. 82]. Суть Срединного пути (данное понятие нашло свое отражение и в буддизме) выражает распространенный в китайском языке фразеологизм *bù rǎn bù yí* («быть беспристрастным, не отклоняться ни в ту, ни в другую сторону»). Иными словами, этическим идеалом является человек спокойный и рассудительный, неподвластный влиянию эмоций. Это положение подтверждается и так называемой концепцией «сохранения лица» – одним из важных понятий китайской философии – тактикой, направленной на поддержание положительного образа, доброго имени и достоинства. Положительный образ не включает в себя проявление эмоций и выражение своего состояния.

Итак, если мы обратимся к значению лексемы *kǒngjù* (страх), то увидим, что первым в списке идет «боязнь, трусость» (*wèijù/hàipà*). Примечательно, что оба слова обладают значением, «боязнь», а *hàipà*, кроме «боязни», означает и «трусость, робость», что, как нам представляется, непосредственно связано с образом благородного мужа, который в идеале не испытывает никаких эмоций [3]. Страх – это нарушение равновесия, потеря лица, а в буддийском понимании – это привязанность, вызывающая страдание, «дуккху» [9, с. 177]. То есть страх в китайском сознании – это не просто отрицательное, но еще и порицаемое явление.

Мы видим, что уже в самом определении слова выявляется национально-культурная специфика. Если проанализировать номинант концепта «страх» в русском языке, то возникает несколько иная картина: страх – это «состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью, бедой и т. п.; боязнь», «страсть, боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия», «очень сильный испуг, сильная боязнь» [4, 6, 10]. То есть для русского человека страх – это что-то негативное (характерная для всех лингвокультур черта), обязательно большое, сильное (такой ужас, сильный страх, под страхом (казни, наказания) и т. д.) и, что самое интересное, неподвластное контролю, а также имеющее только пассивное отношение к испытываемому данную эмоцию (страх берет, обуял такой страх, панический страх и т. д.). Страх в русской культуре – очень важный концепт, проявляющийся повсеместно и не только в своем первом значении: «она страх

как любит конфеты», «страх сколько народу было» и т. д. – что позволяет нам утверждать, что в русской культуре эта эмоция не так уж и негативна, а вполне обыденна (что, возможно сложилось вследствие влияния православия («Страх Божий» есть любовь и уважение к нему; «В ком есть страх, в том есть и Бог»; «Всякий страх в доме хорош») [4, 6, 10].

Китайцы имеют совсем иное представление о страхе. Если русский часто неосознанно снимает с себя ответственность за то, что он испытывает страх, одушевляя эту эмоцию («у страха глаза велики», «страх забирает», «им овладел страх» и т. д.) или вовсе признавая ее благой (в отношении с Богом, например), то страх в сознании китайца – это не просто отрицательное, а порицаемое явление, характеризующееся словом «трусость, робость» (что опять же, на наш взгляд, явилось результатом религиозно-философского влияния). «Страх» для русского человека, несомненно, также является чем-то отрицательным, но чувством, если можно так выразиться, сравнительно более достойным (а в некоторых случаях даже похвальным) и явно менее связанным с «трусостью» [4]. «Благородному мужу», в свою очередь, крайне не подобает испытывать такие сильные эмоции, как страх, ведь это потеря равновесия (в конфуцианстве и даосизме) или привязанность, а значит, еще большее страдание (в буддизме) [8, 9].

Все последующие значения только подтверждают нашу гипотезу о связи морального облика с понятием данной эмоции: «запугивать, устрашать кого-либо» (*kǒnghè/shìhàipà*), «опасаться, беспокоиться» (*kǒngpà, dānxīn*), «неприятные, устрашающие человека вещи» (*shǐ rén wèijù zhī shì*) [3]. Эта эмоция тесно связана с понятием выхода из равновесия, беспокойства, порицания.

Если обратиться к этимологии слова *kǒngjù*, можно увидеть, что иероглиф «*kǒng*» состоит из трех элементов – «работа» *gōng*, «обычный, любовью» *fān* и «сердце» *xīn* – то есть, этимологическое значение этого иероглифа «удары сердца» (*xīn bǐ huà shù*) [2]. Иероглиф *jù* состоит из «сердце» *xīn* и «орудие, иметь» *jù* – «бояться» [2] (в то время, как в соответствии одной из теорий русское слово «страх» – это результат физического действия, «окоченение, застывание»). Как мы видим, в обоих иероглифах слова *kǒngjù*, но и также в словах, означающих не только страх, боязнь, но и радость, грусть, гнев и другие базовые эмоции, присутствует один и тот же элемент – *xīn*, сердце. Это объясняется тем, что в представ-

лении китайцев сердце – это не просто орган, это скорее сущность,местилище разума и духа, порядка и равновесия (в китайской медицине – инь и янь), управляющее эмоциями и другими органами [8, с. 30].

Стремление китайцев к эмоциональному равновесию и «сохранению лица» также очевидно и по количеству и характеру употребления *kǒngjù*. Так, современный корпус китайского языка лингвистического центра Пекинского университета на соответствующий запрос выдал всего 5408 результатов (а вот в национальном корпусе русского языка содержится 13.861 упоминаний слова «страх») [1, 4]. Конечно, все это не означает, что китайцы вовсе не испытывают страха – напротив, с эмотивом-номинантом они используют сходные элементы для описания такого чувства, что и русские, которые можно условно объединить в следующие группы:

1) большое негативное чувство, которое иногда одушевляется: «привести в страх/ужас», «страх/ужас охватил» и т. д. (в русском языке: С наступлением темноты пришел страх; древний какой-то страх охватывает; и вдруг такой страх накатил [4]; в китайском языке: *húnshēn bèi pī yīzhōng mòmíngde kǒngjù jīnjīn jué zhù xīn zài sīliè* «все тело охватил неописуемый ужас, разрывая сердце на части»), *ér shì duì zìjǐde zhīshēn yuǎnxíng gǎndào mòmíngde kǒngjù* «но идея отправиться в дальнее путешествие в одиночку приводила его в неописуемый ужас») [1];

2) местилище страха (скорее всего, глаза или сердце). (В русском языке: и в глазах у нее тоска и страх; я часто вижу страх в смотрящих на меня глазах; от страха сердце в пятки ушло [4]; в китайском языке: *Tā de xīnzhōng chōngmǎn kǒngjù* «его сердце полно страха», *Liǎng zhī yǎnjīng kǒngjùde wǎngzhe tā* глаза, полные ужаса, смотрели на него) [1]. Причем, в китайском языке пара «страх-сердце» гораздо популярнее, чем «страх-глаза». В русском языке, напротив, пара «страх-глаза» встречается гораздо чаще.

Однако данные примеры не столь распространены. Гораздо чаще в произведениях на китайском языке можно встретить *kǒngjù* в контексте избавления от этого чувства или его отрицания: *Gūniang tīngle yī jīng, yǒuxiē xiǎo kǒngjù, dàn zhè zhīshì yī shùnjiān, hěn kuài yòu yòng xīxiào yǎnshìle* «девушка слушает удивленно, лишь на мгновение испытывая небольшой страх, затем она со смехом возражает», *Xiànzài tā xiàng dà xīyī yīyàng pá de xiāngdāng xùnsù, gāo gāo dì áng qǐ tóulú, jiùjìng shì gùyì bù kàn nà hōngmíng de liúshuǐ yǐ jiànshǎo*

kǒngjù не «теперь он так же, как и ящерица, высоко поднял голову, чтобы намеренно не смотреть на воду, дабы уменьшить к ней страх», *Dàn xùnsù de, fùchóu de lièhuǒ zài tā límian ránshāole qǐlái, huǐ què tā de kǒngjù* «но очень быстро месть, бушующая внутри него, разрушила его страх». Это подтверждается и идиоматическими выражениями: *yǒu shì wú kǒng* «чувствовать себя вольготно, не знать страха», *lín nǎn bù kǒng* «не дрогнуть перед смертью», *Kèfú kǒngjù xīn* «победить страх в своем сердце», *Yìzhì zhù kǒngjù xīn* «подавить страх» и др [1, 2, 3]. В русском же языке данная группа практически не представлена, что, на наш взгляд, имеет культурно-религиозную подоплеку (необходимо отметить, что в данной статье анализируются *только* художественные произведения, специальная психологическая литература нами учтена не была) [4].

Итак, выражение страха в китайском языке и культуре, как и других базовых эмоций, содержит определенный универсальный компонент (это отрицательная эмоция, присущая всем лингвокультурам и русской, в частности: страх – большое негативное чувство), но она также имеет и определенные уникальные черты, присущие конкретной лингвокультуре (так, для китайской лингвокультуры характерна связь страха с сердцем, стремление к эмоциональному равновесию, спокойствию, желание перебороть страх).

Библиографический список

1. Běijīng dàxué zhōngguó yǔyán xué yánjiū zhōngxīn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_cesogrus/
2. Hànyǔ cídiǎn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ggart.com/imgbook/index.php?bookid=53>
3. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под редакцией Ошанина И. М. – М.: Наука, 1983. – Т. I–IV.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / В. И. Даль. – М., 1982.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
6. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. чл.-корр. Академии наук СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.
7. Словарь синонимов онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://synonymonline.ru/>
8. Тань Аошуан. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность [Текст] / Аошун Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
9. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 480 с.

10. Ушаков, Д. Г. Большой толковый словарь современного русского языка [Текст] / под. ред. Д. Г. Ушакова. – М.: Альта-Принт, 2009. – 1248 с.
11. Wieger Leon. Chinese characters (translated by L. Davrout) [Текст] / Leon Wieger. – N. Y.: Dover Publications, Inc. – 386 p.
12. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] : монография / В. И. Шаховский. – М.; Гнозис, 2008. – С. 287–317.
13. Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под редакцией Ошанина И. М. – М.: Наука, 1983. – Т. I–IV.
14. Даль, В. И. Толковый словарь русского языка [Текст] : в 4-х т. / В. И. Даль. – М., 1982.
15. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
16. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / под ред. чл.-корр. Академии наук СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1987. – 797 с.
17. Словарь синонимов онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://synonymonline.ru/>
18. Тань Аошун. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность [Текст] / Аошун Тань. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 240 с.
19. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 480 с.
20. Ушаков, Д. Г. Большой толковый словарь современного русского языка [Текст] / под. ред. Д. Г. Ушакова. – М.: Альта-Принт, 2009. – 1248 с.
21. Wieger Leon. Chinese characters (translated by L. Davrout) [Текст] / Leon Wieger. – N. Y.: Dover Publications, Inc. – 386 p.
22. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций: Монография [Текст] / В. И. Шаховский. – М.; Гнозис, 2008. – С. 287–317.
5. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ruscorpora.ru/>
6. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / pod red. chl.-korr. Akademii nauk SSSR N. Ju. Shvedovoj. – 18-e izd., ster. – M.: Russkij jazyk, 1987. – 797 s.
7. Slovar' sinonimov onlajn [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://synonymonline.ru/>
8. Tan' Aoshuan. Kitajskaja kartina mira: Jazyk, kul'tura, mental'nost' [Tekst] / Aoushan Tan'. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 240 s.
9. Torchinov, E. A. Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo [Tekst] / E. A. Torchinov. – SPb.: Azbuka-klassika, 2005. – 480 s.
10. Ushakov, D. G. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Tekst] / pod. red. D. G. Ushakova. – M.: Al'ta-Print, 2009. – 1248 s.
11. Wieger Leon. Chinese characters (translated by L. Davrout) [Tekst] / Leon Wieger. – N. Y.: Dover Publications, Inc. – 386 p.
12. Shahovskij, V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij [Tekst] : monografija / V. I. Shahovskij. – M.; Gnozis, 2008. – S. 287–317.
13. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' : v 4 t. / pod redakciej Oshanina I. M. – M.: Nauka, 1983. – T. I–IV.
14. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] : v 4-h t. / V. I. Dal'. – M., 1982.
15. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://ruscorpora.ru/>
16. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka [Tekst] / pod red. chl.-korr. Akademii nauk SSSR N. Ju. Shvedovoj. – 18-e izd., ster. – M.: Russkij jazyk, 1987. – 797 s.
17. Slovar' sinonimov onlajn [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://synonymonline.ru/>
18. Tan' Aoshuan. Kitajskaja kartina mira: Jazyk, kul'tura, mental'nost' [Tekst] / Aoushan Tan'. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. – 240 s.
19. Torchinov, E. A. Puti filosofii Vostoka i Zapada: poznanie zapredel'nogo [Tekst] / E. A. Torchinov. – SPb.: Azbuka-klassika, 2005. – 480 s.
20. Ushakov, D. G. Bol'shoj tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka [Tekst] / pod. red. D. G. Ushakova. – M.: Al'ta-Print, 2009. – 1248 s.
21. Wieger Leon. Chinese characters (translated by L. Davrout) [Tekst] / Leon Wieger. – N. Y.: Dover Publications, Inc. – 386 p.
22. Shahovskij, V. I. Lingvisticheskaja teorija jemocij: Monografija [Tekst] / V. I. Shahovskij. – M.; Gnozis, 2008. – S. 287–317.

Bibliograficheskij spisok

1. Běijīng dàxué zhōngguó yǔyán xué yánjiū zhōngxīn [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_cec корпус/
2. Hànyǔ cídiǎn [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.gg-art.com/imgbook/index.php?bookid=53>
3. Bol'shoj kitajsko-russkij slovar' : v 4 t. / pod redakciej Oshanina I. M. – M.: Nauka, 1983. – T. I–IV.
4. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Tekst] : v 4-h t. / V. I. Dal'. – M., 1982.